

Е.М.Черноиваненко

***О специфике русского литературного процесса эпохи Средневековья
Про специфіку російського літературного процесу доби Середньовіччя
Peculiarities of Russian literary process in the Middle Ages***

В статье характеризуются основные особенности и закономерности развития русской литературы в эпоху Средневековья.

Ключевые слова: русская литература, литературный процесс, Средневековье, типы литературы, риторичность, русская культура, Россия и Европа.

У статті характеризуються головні особливості і закономірності розвитку російської літератури доби Середньовіччя.

Ключові слова: російська література, літературний процес, Середньовіччя, типи літератури, риторичність, російська культура, Росія та Європа.

The article explores major peculiarities and principles of Russian literature development in the Middle Ages.

Key words: Russian literature, literary process, the Middle Ages, types of literature, rhetorical character, Russian culture, Russia and Europe.

Тема настоящей работы – «О специфике русского литературного процесса эпохи Средневековья». Специфика – это своеобразие, это то, что присуще именно данному объекту исследования. Изучение специфики требует сопоставления данного объекта с другими объектами того же рода, рассмотрения его на их фоне. Для того, чтобы увидеть черты специфики русского литературного развития, надлежит, по нашему мнению, рассмотреть его на фоне европейского.

В российской культурологии издавна принято считать русскую культуру исконно органичной частью европейской культуры, как в российском литературоведении русскую литературу – исконно органичной частью европейской литературы. В современной российской науке наиболее

авторитетным и последовательным апологетом этой точки зрения является академик Д.С.Лихачёв. Вместе с тем следует отметить и наличие противоположных по содержанию мнений. Так, ещё В.Г.Белинский в своей поздней статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года» писал о русской литературе: «Её история, как и история самой России, не похожа на историю никакой другой литературы. И потому она представляет собой зрелище единственное, исключительное, которое тотчас делается странным, непонятым, почти бессмысленным, как скоро на неё будут смотреть, как на всякую другую европейскую литературу» (1, т. X, с. 7-8). Наш современник М.Т.Петров отмечает: «...Когда Д.С.Лихачёв утверждает, что «русская культура – одна из европейских культур», то приятие или неприятие этого тезиса зависит от того, как его понимать. Если вхождение русской культуры в семейство европейских допускается автором на таких же основаниях, что и у английской, германской, французской культур, то с этим трудно согласиться. Если же эти критерии (а вовсе не вопрос о ценности, вкладе и т.п.) для России всё же специфичны, то проблема как раз и начинается. Ответ, следовательно, только предстоит искать» (2, с. 187).

Насколько же специфичным является русский литературный процесс эпохи Средневековья? В чём заключается его специфика и чем объясняется? Для того, чтобы ответить на эти вопросы, нужно коротко охарактеризовать европейский литературный процесс.

По мнению С.С.Аверинцева, в истории европейской словесности следует выделить два периода: дорефлективного традиционализма и традиционализма рефлективного. Учёный пишет: «Эллинская классика подготовила и осуществила, а позднеантичный эпилог этой классики расширил и упрочил всемирно-исторический поворот от дорефлективного традиционализма, характеризовавшего словесную культуру и на дописьменной стадии, и в литературах древнего Ближнего Востока, и у архаических истоков самой греческой литературы, к рефлективному традиционализму, остававшемуся константой литературного развития для средневековья и Возрождения, для барокко и классицизма и окончательно упразднённого лишь победой антитрадиционалистских тенденций индустриальной эпохи. Существо этого поворота в том, что литература осознаёт себя самоё и тем самым впервые полагает себя самоё именно как литературу, т.е. реальность особого рода, отличную от реальности быта или культа. К исходу эллинской классики это

самоопределение литературы оформилось в рождении поэтики и риторики – литературной теории и литературной критики...» (3, с. 3).

От рождения риторики и поэтики в истории европейской словесной культуры начинается эра риторичности – эра, протянувшаяся от времени Аристотеля до времени Гегеля. По определению Д.С.Наливайко, «поздняя античность видела в риторике организующую основу всей системы образования и воспитания, своего рода ось духовной жизни человека» (4, с. 56). Исключительно высокую значимость сохраняет риторика и в европейской культуре Средневековья и Возрождения. Э.Р.Курциус в своём ныне ставшем классическим труде «Европейская литература и латинское Средневековье» писал: «Риторика оставила отпечаток не только на литературной традиции и продукции. В период флорентийского кватроченто Леон Батиста Альберти советовал художникам познакомиться «с поэтами и риториками», которые могли подтолкнуть их к открытию (*inventio!*) и дать форму темам живописи... Этому вполне отвечает тот факт, что Полициано был учёным советником Боттичелли. Как показал А.Варбург, «Рождение Венеры» и «Весна» Боттичелли могли быть иконографически интерпретированы лишь в соотнесении с античными авторами, с которыми была знакома современная поэзия и учёность. Такими же тесными были связи риторики и музыки. ... Система обучения музыке строилась в соответствии с системой обучения риторике. ... Степень схожести (музыкальной теории и риторической – Е.Ч.) настолько разительна, что мы должны признать: восприятие античной риторики было определяющим фактором художественного самовыражения на Западе ещё долго после окончания Средневековья» (5, с. 77, 78). Такую же роль выполняет риторика и в эпоху барокко. Л.И.Сазонова в связи с этим отмечает: «Все виды искусства зависели от риторики. Как универсальный принцип творчества, она подчиняла себе не только литературу, но также музыку и живопись. Являясь общим основанием для всех видов искусств, риторика обеспечивала их взаимодействие и взаимопроникновение» (6, с. 75).

В послеантичной европейской литературе риторической эпохи можно, на наш взгляд, выделить два типа литературы: религиозно-риторический и светско-риторический (детальную аргументацию необходимости различения их и характеристику каждого из этих типов литературы я привожу в книге: 7). В Европе активное формирование светско-риторического типа литературы происходит уже с начала эпохи Возрождения, а касательно завершающей её стадии можно уже уверенно

говорить о сосуществовании религиозно-риторического и светско-риторического типов литературы при условии постоянного расширения сферы влияния последнего.

Посмотрим теперь на то, каким на этом фоне было развитие русской литературы. Отсчёт её истории принято начинать с того времени, когда вместе с христианством из Византии (через болгарское посредство) была трансплантирована и литература, то есть с эпохи Киевской Руси. Здесь нет возможности, да и необходимости, доказывать то, что культура Киевской Руси по своему характеру была европейской. Рассматривая Московскую Русь как, образно говоря, родную дочь Киевской, российские учёные вполне, казалось бы, логично утверждают европейский характер культуры и литературы Московии. Однако многое в русском культурном и литературном процессе эпохи Средневековья вызывает сомнения в справедливости такого заключения. Обратимся к фактам из истории литературы.

Уже в XI столетии, только приняв христианство и получив первые памятники религиозной литературы, киеворусская культура начинает знакомиться с риторикой и поэтикой. Свидетельство тому – перевод фрагмента трактата Георгия Хировоска «О образех» в корпусе Изборника 1073 года. Таким образом, уже в этот начальный период началось движение, результатом которого был бы переход словесной культуры от этапа дорефлективного традиционализма к этапу рефлексивности. Однако, если вести речь о собственно русской (великорусской) словесности, она ещё и через полтысячелетия так и не вступила в эту стадию, не познакомилась ни с одним трактатом по риторике и поэтике. Создаётся впечатление, что русская литература в послекиевский период останавливается в своём развитии приблизительно до середины XVII в., т.е., по сути, до конца русского Средневековья.

Это впечатление перерастает в убеждение, когда мы обращаем внимание на следующие факты:

а) ещё и в начале XVII в. в русской литературе не только не сложился, но и не начал формироваться сколько-нибудь заметно светско-риторический тип литературы, тогда как в европейской литературе он к этому времени был уже хорошо развит;

б) в русской литературе даже XVI в. всё ещё нельзя обнаружить того, что было очень характерно для европейской литературы эпохи Возрождения, а именно:

- неприятия духовной диктатуры церкви и феодальной идеологии;

- секуляризации содержания произведений;
- глубокого интереса к античности и активного усвоения её опыта;
- утверждения идеи человеческой индивидуальности;
- воплощения этой идеи в развитии форм авторского сознания в литературе и в изображении литературного героя наделённым чертами индивидуальности;
- проявления в литературе идей ренессансного гуманизма;
- утверждения принципов ренессансного реализма;
- зарождения и развития психологизма в художественном мышлении;
- зарождения и развития историзма в нём;
- развития новеллы как позднесредневекового городского повествования;
- развития романа современного типа.

Ни одного из этих явлений нет в русской литературе ещё даже XVI века. Если так, то было ли движение в русском литературном процессе эпохи Средневековья? А если его не было, то уместно ли в этом случае вообще вести речь о литературном процессе, ведь «процесс» означает «движение», «продвижение»?

Эти вопросы не столь уж абсурдны, как может показаться на первый взгляд. Так, выдающийся русский мыслитель Г.П.Федотов отмечал, что в послекиевский период русской словесностью окончательно овладевает «паралич языка»: «Уже не сказать ей «Слова о полку Игореве», не составить «Повести временных лет». От новгородско-московских столетий нам осталась почти одна публицистика, отрывочный младенческий лепет, который говорит лишь об усилиях осознать новый смысл или, чаще всего, недуги государственного и церковного бытия. Не умножился скудный запас книг, спасённых в киевском разоренье. И ещё дальше отодвинулся культурный мир, священная земля Греции и Рима с погребёнными в ней кладами» (8, т.1, с. 76).

Как известно, уже в XI ст. начинается отток населения из Поднепровья, вызванный постоянными набегами печенегов. В XII ст. он приобретает массовый характер. Предки будущих великоросов уходили на северо-восток, в район междуречья Оки и Волги. И тут в действие вступили факторы, которые обусловили их этно-культурное перерождение. Об этом читаем уже у В.О.Ключевского: «Великорусское племя вышло не из продолжавшегося развития этих старых областных (т.е. киеворусских – Е.Ч.)

особенностей, а было делом новых разнообразных влияний, начавших действовать после этого разрыва народности, притом в краю, который лежал вне старой коренной Руси и в XII веке был скорее инородческим, чем русским краем. Условия, под действие которых колонизация ставила русских переселенцев в области средней Оки и верхней Волги, были двоякие: этнографические, вызванные к действию встречей русских переселенцев с инородцами в междуречье Оки-Волги, и географические, в которых сказалось действие природы края, где произошла эта встреча. Так в образовании великорусского племени совместно действовали два фактора: племенная смесь и природа страны (9, т.1, с. 296). В новом ареале расселения произошло этническое смешивание, во-первых, с угро-финскими племенами, которые находились тогда на очень низкой ступени развития, не зная ещё даже многобожия. Это не могло не отразиться негативно на культуре будущих великоросов. Во-вторых, происходило этническое смешивание с татарами, которое стало особенно активным после создания по инициативе Александра Невского единого татаро-русского государства. Это ещё больше ослабляло и без того уже очень слабые связи с византийской и европейской культурой, приводило к тому, что культура Московской Руси всё заметнее утрачивала европейские черты.

Культурному регрессу способствовали и природные условия. Среди густых лесов и непроходимых болот мало было мест для больших поселений (которые были характерны для Поднепровья). Как отмечает В.О.Ключевский, «... деревня в один или два крестьянских двора является господствующей формой расселения в северной Руси чуть ли не до конца XVII в.» (9, т.1, с. 311). Это обстоятельство существенно усложняло дальнейшее распространение христианской религии и культуры в целом. Как известно, средневековая культура Европы генерировалась прежде всего церковью и городом. В условиях русского Средневековья действенность этих двух факторов была очень ограниченной. Всё это объясняет, почему, по мнению В.О.Ключевского, «удельные князья северной Руси гораздо мене воинственны сравнительно со своими южнорусскими предками, но по своим общественным понятиям и образу действий они в большинстве более варвары, чем те» (9, т.1, с. 365). Это объясняет, почему в своё время Н.С.Трубецкой сделал вывод, согласно которому «Киевская Русь XII столетия не предок современной России», вывод, с которым согласился выдающийся русский этнолог Л.Н.Гумилёв. Наконец, это объясняет, почему XIII и почти всё XIV столетие были веками культурного и литературного регресса.

Конец XIV-XV ст. – это период так называемого второго южнославянского влияния. Некоторая активизация культурных контактов с Европой, посещение отдельными великорусскими монахами-литераторами Афона, деятельность иноземных православных литераторов в Москве – всё это сделало названный период периодом развития русской литературы, периодом её движения вперёд.

В 1480 г. происходит, по мысли и Н.С.Трубецкого, и Л.Н.Гумилёва, «замена ордынского хана московским царём с перенесением ханской ставки в Москву» (10, с. 23). Это событие стало мощным импульсом к развитию Московского государства. Но развитие это проходило в направлении, прямо противоположном европейскому. Московское государство строилось на основаниях азиатского деспотизма, бесправия, подавления личности. Следует отметить и отсутствие даже в это время системы образования, хотя бы начального. Антиевропейская направленность развития Московского государства проявилась и в разгроме Иваном Грозным «слишком европейских» по своему устройству Новгорода и Пскова, и в сознательной политике изоляции от Европы, и в провозглашении себя единственным истинно христианским народом.

О том, как это отразилось на культуре Московии, выразительно сказал в своё время В.С.Соловьёв: «Процесс государственного объединения, при всей своей исторической необходимости, связан был с глубоко ненормальными явлениями в жизни народа и привёл его к духовному одичанию» (11, с. 420). Всё это не могло не отразиться негативно на литературном развитии. Если, как отмечал В.О.Ключевский, строй Московского государства давил частное существование, препятствовал развитию личностного и гражданского самосознания, то стоит ли удивляться тому, что в русской литературе 2-й половины XVI в., как пишет Д.С.Лихачёв, «... всё интенсивнее сказывается официальная струя. Наступает пора «второго монументализма»: традиционные формы литературы доминируют и подавляют индивидуальное начало в литературе и развитие беллетристичности» (12, с. 15). Это недвусмысленно свидетельствует о том, что литература вновь переживает период регрессивного развития, ибо монументализм, согласно концепции Д.С.Лихачёва, был стилем первого этапа истории русской литературы – периода XI-XIII вв.

Смена в русском литературном процессе эпохи Средневековья периодов прогресса периодами регресса и порождает впечатление не просто замедленности, а статичности, впечатление не процесса, а состояния.

В начале XVII в., после бурных потрясений Смуты и под определённым влиянием контакта (пусть даже и не совсем добровольного) с европейской культурой, в русском культурном и литературном процессе становятся заметны некоторые, хотя и слабые, признаки прогресса. Однако настоящее движение вперёд начнётся с середины XVII ст., когда в результате присоединения Украины Московия начнёт активно приобщаться к европейской культуре, когда в её собственной культуре начнут протекать характерно ренессансные процессы. Именно в это время киевские учёные познакомят Московию с риторикой, поэтикой, грамматикой, в результате чего русская словесная культура вступит, наконец, в стадию рефлексивного традиционализма. Именно в это время в результате названных процессов начнётся интенсивное развитие светско-риторического типа литературы. Именно в это время, как принято считать, для России и закончится Средневековье.

Литература:

1. Белинский В.Г. Взгляд на русскую литературу 1846 года / Полн. собр.соч.: В 13-ти т. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1956.– Т. X. – С. 7-50.
2. Петров М.Т. Проблема Возрождения в советской науке. – Л: Наука, 1989.
3. Аверинцев С.С. Древнегреческая поэтика и мировая литература / Поэтика древнегреческой литературы.– М.: Наука, 1981. – С.3-14.
4. Наливайко Д.С. Українське літературне бароко в європейському контексті / Українське літературне бароко. – К.: Наук. думка, 1987. – С. 46-75.
5. Curtius E.R. European Literature and the Latin Middle Ages. – Princeton: Princeton University Press, 1990.
6. Сазонова Л.И. Поэзия русского барокко (вторая половина XVII – первая половина XVIII в.). – М.: Наука, 1991.
7. Черноиваненко Е.М. Литературный процесс в историко-культурном контексте. Развитие и смена типов литературы и художественно-литературного сознания в русской словесности XI-XX вв. – Одеса: Маяк, 1997.
8. Федотов Г.П. Трагедия интеллигенции / Федотов Г.П. Судьба и грехи России: Избр. статьи по философии рус. истории и культуры: В 2-х т. – СПб: София, 1992. – Т.1. – С. 66-101.

9. Ключевский В.О. Курс русской истории / Ключевский В.О. Собр. соч.: В 9-ти т. – М.: Мысль, 1987. – Т.1.
10. Гумилёв Л.Н. Заметки последнего евразийца / Наше наследие. – 1991. – III. – С. 19-26.
11. Соловьёв В.С. Национальный вопрос в России. Выпуск второй / Соловьёв В.С. Соч.: В 2-х т. – М.: Правда, 1989. – Т.1. – С. 411-637.
12. Лихачёв Д.С. Своеобразие исторического пути русской литературы X- первой четверти XVIII в./ История русской литературы: В 4-х т. – Л.: Наука, 1980. – Т.1. – С. 11-18.

Впервые опубликовано в издании: Медієвістика: Зб. наук. статей.- Вип. 1. – Одеса: Астропринт, 1998. – С. 49-57.